

ГЛАВА 1

1

—Я убью кого-нибудь из них.

Честное слово, убью!

Галя схватила сигарету и вхолостую чиркнула зажигалкой.

— Лопатой садовой, — предложила Саша.

Подруга судорожно пыталась закурить.

— Может и лопатой!

— Или граблями.

— Инвентаря там — на три бригады землепашцев! Тяпки всякие, лейки, секаторы... О! Секатором!

Галина чиркнула еще дважды — и швырнула ба-
рахлящую зажигалку в стену.

— Они меня доведут! Мне уже омлет в горло не лезет!

На тарелке перед ней действительно остывал омлет. Но возможно, флегматично подумала Саша, причина заключалась в том, что Галка сыпанула в него со-
ды вместо соли.

Что, впрочем, тоже неплохо характеризовало ее состояние.

Исаева резко взмахнула ладонью и задела абажур. Тени панически заметались по стенам, жалобно скрипнул провод.

— Чёрт! Чёрт!

— Галь, хватит себя накручивать. — Саша Стриж выпрямилась и остановила маятник раскачивающейся кухонной лампы. — Они хорошие люди...

Если бы сарказмом можно было поджигать, в руках Галины Исаевой истлела бы не только сигарета, но и вся пачка. Да и оmlет бы уже полыхал.

— Меня окружали хорошие люди, медленно сжи-мая кольцо! — процитировала она.

— Сама залезла в это кольцо.

Галя сникла. Нечего спорить: Стриж права, с какой стороны ни погляди. Залезла, как толстуха в хулахуп. И там застряла.

— Сожрут они меня с потрохами, — тоскливо пробормотала она. — В печку на лопате сунут и заслонкой закроют. Как еще изводили добрых молодцев?

— В баньке парили, — машинально сказала Саша, осматривая ящик в поисках короба. Где-то он ей попадался... А, вот!

— Пройденный этап. Банька уже была. С сугробом.

— Ты ныряла в сугроб?

Саша кинула коробок, Галка ловко поймала.

— Не ныряла, а нырнула. Один раз. И потом торчала бледными ногами из сугроба, как вареная курица из супа, пока меня не вытащили.

Она чиркнула спичкой об коробок и сломала спичку. Пылающая серная головка упала на скатерть.

«Ну, началось...» — поздравила себя Саша.

Вещи, оказавшись в руках ее подруги, принимались вести себя агрессивно. Чайник судорожно пыхал паром, как престарелый обиженный дракон. Сковородка сбрасывала ручку в ту самую секунду, когда ее

вытаскивали с яблочным пирогом из духовки. Шкафы роняли полки, предпочитая стеклянные.

Однажды в юности Саша с Галей забежали в подъезд, и на трех этажах одна за другой приветственно взорвались лампочки. Прошли по первому этажу: дзыньк! Сунулись на второй: бамц! Допрыгали до третьего: хрясь! И везде осколки — только успевай закрывать голову.

Когда Саша добралась до своего четвертого, у нее по загривку бегали мурашки размером с клопа. Она предчувствовала самый большой «хлобысь» в своей жизни. Но на четвертом лампочки попросту не было: выкрутили. Она до сих пор полагала, что неизвестный воришка уберег их от локального катаклизма.

— Можешь представить, как ликовала эта морда? — мрачно спросила Исаева. — Как школьница, на глазах которой директор выпал из окна.

Саша мысленно перебрала семейство Сысовых, пытаюсь сообразить, о ком идет речь. Образ парящего за окном директора в костюме и съехавших на нос очках мешал сосредоточиться.

— Стриж, спасай! — Галка молитвенно сложила ладони. — Поезжай со мной!

— Забудь, — коротко отказалась Саша.

— Всего три дня!

— Какая там от меня может быть помощь! Труп закопать?

— Моральная! Сашка, я одна среди них озве-рею. Они в меня пиками будут тыкать. Как матадоры в быка!

— Ты не одна, — напомнила Саша. — У тебя Олег.

— Мужчины в таких делах понимают не больше, чем медуза в коньяке!

Летающий директор в Сашинем воображении сме-нился крепко выпивающей медузой. Галка еще раз

чиркнула спичкой (на этот раз отлетела стенка коробка) и криво усмехнулась:

— Он до сих пор уверен, что для его сестры я чистойшей прелести чистейший образец.

— А на самом деле? — осторожно спросила Саша.

Галя хрипло засмеялась.

— Она мне ледоруб в лоб засадит — глазом не моргнет.

К директору и медузе прибавилась Галка в таком виде, что Саша содрогнулась и поспешно отогнала скверное видение.

Исаевой наконец-то удалось прикурить, и она глубоко затянулась. Острое ее лицо немного расслабилось.

Они дружили с института, Саша Стриженова по прозвищу Стриж и Галина Исаева, которую все звали Галкой. Стриж и Галка, птичий базар, как подшучивали однокурсники. На третьем курсе Галка решила, что медицина — не ее призвание, бросила постылые галеры и пустилась в свободное плавание. На несколько лет Саша потеряла ее из виду.

За Исаеву она не беспокоилась. Галя никак не должна была пропасть. Еще в институте недоброжелатели прозвали ее бульдогом, намекая на исаевскую энергичность и хватку, а также храбро выпяченную нижнюю челюсть. Легче было отобрать антилопу у долго постившегося крокодила, чем то, во что вцеплялась Галина.

Она была работоголик, сквернослов и «девка буйная», как говорила о ней гардеробщица в институте. Девка буйная в ответ на ходу огрызалась и мчалась дальше по жизни, раздражая врагов неумеренной энергией. От Галки можно было запитывать лампочки и прикуривать двигатели.

Взбалмошность удивительным образом уживалась в ней с практической сметкой: начав работать, Галя за два года накопила первый взнос и купила в ипотеку квартиру. Жилище это, двухкомнатная хрущевка на Соколе, составляло предмет ее огромной гордости. Транжира Исаева перешла на хлеб и гречку, задушила в себе сибарита и на пять лет превратилась в аскета со сверкающим от голода взором. Но по истечении этого срока полностью расплатилась с банком.

В жизнь Саши Стриженовой подруга вновь ворвалась, размахивая фатой.

«Замуж выхожу!»

Надо сказать, в свою квартиру Исаева регулярно приводила брошенных собак, помечных кошек и прочих четвероногих бедолаг, обиженных судьбой. Бесприютная эта дрань отъедалась на исаевских харчах, залечивала лапы, глаза и уши, после чего пристраивалась в хорошие руки.

Галя Исаева до слез жалела убогих зверушек.

Только этим Саша могла объяснить ее скоропальчатое замужество.

Муж был их бывший однокурсник, тоже выкинутый за борт на третьем курсе: плюгавенький длинноносый и косоглазый юноша невообразимо унылого вида. Ослик Иа-Иа рядом с ним показался бы агентом по продаже оптимизма и безудержной радости.

Ни к какой продуктивной деятельности муж не был способен. Основная функция его, как у персидского кота, заключалась в том, чтобы выразительно раскинуться на диване и лежать целый день, иногда снисходя до обеда.

Поначалу Саша надеялась, что Галя пойдет по накатанному пути, то есть изведет у подобранный блох,

приучит к лотку, а затем пристроит в хорошие руки. Но время шло, и стало ясно, что муж прочно обосновался в квартире. «Я по натуре созерцатель», — говорил о себе Арсений. «Ты по натуре кадавр», — хотелось ответить Саше, но она сдерживалась.

Аппетит у Сенечки был отменный. Приготовленную Галкой четырехлитровую кастрюлю борща он съедал за двадцать минут, равномерно взмахивая ложкой как лопатой и закапываясь по уши в свекольно-мясную гущу. Саше иногда хотелось приподнять Сенечку и посмотреть, не торчит ли из него шланг, по которому потребляемый продукт утекает в неведомые дали. Невозможно было поверить, чтобы в одном сублимном человечке помещались такие объемы!

Жену Сенечка жалел. Приговаривал: «Бестолочь ты моя неприкаянная. Пропадешь ведь без меня». Поскольку с работой у Арсения не складывалось, он взял на себя домашние хлопоты, и, надо отдать ему должное, очень старался сделать жене приятное. Например, варил ей кофе. Протирал статуэтку лошади, подаренную Галине его мамой (Исаева подозревала, что подарок был с толстым намеком). Частенько переставлял в шкафу книги.

Галя пахала как упомянутая лошадь и, придя домой, валилась с копыт. Ее встречали чистый голодный Сенечка, натертая до блеска статуэтка и чашечка ароматного напитка.

Однажды в их квартире из унитаза забил гейзер, и содержимое канализации потекло по квартире. Вернувшаяся с работы Исаева обнаружила мужа испуганно ютящимся на табуретке. Напротив него высилась статуэтка лошади — без единой пылинки. «Галочка! — обрадованно вскричал Сенечка, узрев в дверях жену. — А я тебя ждал!»

Исаева приняла решение о разводе так же стремительно, как о браке, и выставила супруга вместе со статуэткой. Сеня цеплялся за косяки и уверял Галину, что она без него пропадет.

.....

—...Сашка, мне свидетель нужен!

Саша вздрогнула, вырванная из плена воспоминаний. Свидетель? Свидетель *чего*?

— Свидетельница, — поправилась Галя. — Роспись же. В загсе.

— Понесло тебя в шавловский загс...

— Мы договорились, что зарегистрируемся и сразу уедем. Олега семья уломала, черт бы их побрал. Если бы не они, расписались бы тихо в Москве, в рабочем порядке. Но у них же родственники!

Последнее слово Галина произнесла со сложной интонацией. Обычно подобный тон используют матери, запрещая своим отпрыскам притаскивать помоечного котенка домой с мотивировкой «у него же глисты».

— Родственники?

— Ну да. И соседи. И плотник с женой. И все, от соседей до плотника, непременно должны наблюдать, как Олег наденет мне на палец обручальное кольцо. Иначе это неуважение к общественности и плевок в душу. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Саша.

— Вот и я не понимаю. Но у них так положено.

Саша хотела было предложить Исаевой оставить незнакомого ей Олега вместе с его родственниками, плотником и «*положено*». Но взглянула на подругу и отбросила эту безнадежную затею.

— Сашка, не бросай меня, — проникновенно сказала Галка. — Три дня! Десятого семейная вечеринка, двенадцатого роспись — и все! Я не имею права сорваться. А они будут меня выводить из себя! О-о, как они будут выводить меня из себя! — Галина обхватила голову руками. — Там три бабы, и каждая спихнула бы меня с моста, если б только я сдуру села на перила. Это люди, к которым можно поворачиваться только задницей. В спину толкнут, в лицо плюнут.

— Брось! Какой от меня прок?!

— У тебя мозги!

— Не может быть, — усомнилась Саша.

— Золотые! И ведро!

— Ведер не держим, — открестилась Стриж.

— Метафорическое, Стриж! С ледяной водой. Поливать мою голову и напоминать, что поставлено на кон!

Галя легонько постучалась лбом об скатерть и осталась лежать, зажмурившись. В кухне повисло молчание, пропахшее несоленным омлетом и сигаретным дымом.

— Галь, а Галь... — позвала Саша.

— М-м?

— Он хоть того стоит?

Галка приподняла голову и улыбнулась. Если бы крокодил выпустил антилопу, повязал ей бантик и покровительственно похлопал по заднице, это не произвело бы на Сашу такого впечатления. Так могла бы улыбаться Ассоль, навстречу которой летел корабль с парусами цвета зари. Или Золушка, перед которой измученный и счастливый принц опустился на колени со второй туфелькой.

«О, господи. Влюбилась, дурында».

— Друга хоть можно с собой взять? — обреченно спросила Саша.

—Ты подкаблучник, — сурово сказал Бабкин.

Частный сыщик Макар Илюшин радостно захохотал и повалился на диван.

— Что ты ржешь? — рассердился Сергей. — Налицо деградация твоей гениальной личности. Завтра ты тащишься с ней в эту дыру, а послезавтра решишь бросить дела и осесть в деревне.

— Растить капусту, — непонятно сказал Макар, ухмыляясь во весь рот. — Кстати, почему «ты»?

— Что?

— Почему ты говоришь «завтра ты тащишься с ней»? Мы тащимся, напоминаю.

Бабкин осуждающе шмыгнул.

— А отчего ты вдруг решил составить мне компанию, я что-то подзабыл, — невиннейшим тоном осведомился Илюшин. И поскольку Сергей, насупившись, хранил молчание, щелкнул пальцами: — Ах да! Тебя жена попросила! И ты как суровый мужик, глава семьи и просто человек, чье слово всегда является законом для домашних, взял и согласился. Ха-ха! Ха-ха-ха!

Смотреть на издевательски хохочущего Илюшина было выше Сергеевых сил, поэтому он ушел на кухню и осушил там терапевтическую бутылку ледяного пива.

В Шавлов поначалу ехать не хотелось. Но когда одна страстно влюбленная женщина дергает за ниточку, все мироздание начинает танцевать под ее дудку. А уж когда две страстно влюбленных женщины делают это, спасения от их шаманства не найти даже в Марианской впадине.

С Сашей Стриженовой Илюшин познакомился во время расследования последнего дела. Маша, жена Бабкина, отправилась на встречу с бывшими одноклассниками, среди которых была и Стриженова. На этой встрече убили человека. Подозревали в преступлении именно Машу, поэтому сыщикам пришлось вмешаться в официальное расследование.

Илюшин внес в версию следователя кое-какие коррективы, и два дня спустя убийцу нашли. А сам Макар нашел Сашу Стриженову.

Илюшин не придавал женщинам в своей жизни большого значения. Из подобных людей выходят отпетые бабники или стойкие анахореты. Макар не стал ни тем, ни другим. Он легко заводил необременительные связи и так же запросто обрывал их. Заботливый и внимательный ко всем своим подругам, он вводил их этой заботой в заблуждение: им мнилось, что под обычной галантностью скрывается что-то более глубокое.

«Бессердечный ты тип», — говорил Бабкин Макару после крушения очередной любовной лодки. Маша однажды назвала его Питером Пэном, вечным юнцом, бегущим от взросления.

«Черт его знает, — размышлял Бабкин, — что-то в этом есть. И выглядит пацаном, и ведет себя как дурак».

Но тут появилась Саша Стриженова, женщина с мальчишеской стрижкой и тревожными глазами. Даже Бабкин, глядя на нее, чувствовал в себе смутный призыв схватиться за фотоаппарат и запечатлеть... увековечить... поймать, вот что! Поймать эту дивную, хрупкую красоту и сберечь, как... Что там веками сохраняется в янтаре?

«Муха, допустим», — с сомнением думал Бабкин, ощущая, что сравнение не из тех, которые стоит проносить вслух.

Последние два месяца Макар совсем ему не нравился. Сергей взирал на напарника с внимательностью опытного доктора и отмечал пугающие признаки. Пациент смеялся невпопад, периодически приставал к его жене со всякими глупостями вроде того, на какой спектакль лучше пойти, а однажды был пойман за изучением сайта питомника британских котят. Котят, Макар!

И вот пожалуйста: подруга Стриженовой взывает о помощи, и Илюшин, словно героический человек-паук, уже мчится в заволжский Шавлов.

А вместе с ним тащится и сам Бабкин.

— Ты удочки собрал? — крикнул из комнаты Илюшин.

Об удочках он беспокоится, надо же.

— Собрал, собрал.

Накануне Саша Стриж отправилась напрямик к Маше и попросила отпустить Бабкина за компанию с Илюшиным. Женский заговор вскрылся слишком поздно — Сергея обложили со всех сторон.

«Поехали, дружище! — сказал Макар. — Там рыбалка отменная».

«Стерляди привезешь, — размечталась Маша. — Осетров!»

Ну что с ними делать?

Бабкин ворчал, но понемногу скептицизм уступал место приятным ожиданиям. «Раки... Купаться буду, пока перепонки между пальцев не вырастут». Он уже предвкушал, как проводит эти три дня, предоставленный самому себе. Макар с Сашей отбывают повинность на семейных посиделках. А ему достается счастливый билет: блаженное одиночество — чем короче, тем блаженней. Подруга Стрижа пообещала, что в его распоряжении целый дом, покинутый хозяином до осени.

Босиком, босиком по нагретым скрипучим половицам. Девахи за палисадником хохочут звонко. На мосту бабки воблой торгуют и мошкарку гоняют. «Метеоры» белые снуют...

Бабкин удовлетворенно потер руки. Вся эта затея на глазах обретала черты настоящего подарка.

Три тихих, расслабленных дня в самом начале лета — о чем еще можно мечтать!

3

— Шею бы свернуть этой суке, — низким голосом сообщила Рита. — Вот моя голубая мечта.

— Рита!

— Кого она с собой тащит?

— Подругу какую-то, — призналась мать.

Черные глаза Риты Сысоевой блеснули недобрым светом.

— С мужем, — добавила Нина не совсем уверенно.

Рита выругалась в адрес неизвестного мужа так, что мать вспыхнула.

— Язык-то попридержи!

Девушка ожесточенно застучала ножом по разделочной доске. Ошметки вареного яйца полетели во все стороны.

— Чай, не башку ей рубишь, — вполголоса заметила Нина. — Аккуратнее давай.

Обе женщины замолчали. Ритка взялась чистить яблоки для пирога и тут запоздало сообразила, что мать ничего не говорит просто так. Нет, болтать Нина любила, и для постороннего человека ее стрекот зачастую был лишен смысла. Но свои хорошо знали, что к матери стоит прислушиваться очень внимательно.

«Аккуратнее давай».

Еще пять минут прошло в тишине, нарушаемой лишь постукиванием ножей. Рита обдумывала материнский наказ, и постепенно в голове ее зрел план.

Когда он приобрел явственные очертания, девушка отложила нож в сторону.

— Мам, а мам!

— Чего?

— Тетя Клава ведь не приедет?

— В больнице она, с переломом ноги, — недовольно сказала Нина. Ее сестра Клавдия, бой-баба с бешеным нравом, считалась тяжелой артиллерией в предстоящем сражении. «Додумалась тоже — конечности летом ломать! — ругалась про себя старшая Сысоева. — Ни на кого положиться нельзя».

— Можно я тогда Криську приглашу?

Нина уставилась круглыми птичьими глазами на дочь:

— Курятину, что ли?

— Мне скучно без нее будет! — вдохновенно соврала Рита. — А она веселая.

— Для веселья у нас Елизавета Архиповна придет, — мрачно возразила Нина. — Ухихикаешься.

— Баба Лиза? — ахнули от дверей.

Мать и дочь обернулись.

Григорий, брат Нины, застыл в дверях с выражением ужаса на опухшем лице.

— Дядь Гриш, ты чего?

Григорий встряхнулся. Твердым шагом прошел к холодильнику, достал запотевшую бутылку.

— Отметим, дамы!

— С утра начинаешь? — вознегодовала Нина.

Хрустальная стопка победоносно сверкнула в солнечном луче.

— В рамках борьбы с несовершенством этого мира, — осадил ее брат, закусывая петрушкой. — Зачем старуху позвала?

— Не звала я, сама она напросилась. Скучно ей.

Григорий некоторое время без выражения смотрел на сестру, а затем, ни слова не говоря, налил вторую порцию.

— Гриша!

Но было поздно. Со словами «за влюбленных» тот опрокинул стопку и жадно прижал к носу пучок укропа.

— Ну, Григорий...

В обширном семействе Нины годами царил матриархат. Все жизненно важные решения принимались многочисленными елизаветами, тетянями и клавдиями. На откуп мужчинам отдавались мировая политика и футбол.

Тридцать лет назад юная Нина Лобанова, прогуливаясь по вокзалу, заметила у киоска с прессой тощенького ушастого лейтенанта и немедленно забирила его в мужья. Родня удивлялась и крутила пальцем у виска. Но в голове Нины зрели амбициозные планы. В мечтах видела она, как ее раздобревшему лейтенанту нашивают генеральские погоны, как чеканит он шаг в новеньком мундире, а сама она выступает рядом генеральшей в норковом манто.

Отчего-то именно манто ярче всего сияло перед Ниной, и манило, и нашептывало нежные глупости.

Однако в спонтанно родившемся плане таилась червоточина. Зловредного червяка воплощал сам без пяти минут генерал, Петр Сысоев, для домашних — Петруша.

Петруша был человеком смирным, покладистым и лишенным инициативной жилки в той же степени, на-

сколько лишена ее тля, безропотно позволяющая доить себя муравьям. Вершины устремлений у лейтенанта Сысоева попросту не было: его желания представляли собой ровное плато. «Быть сытым и в тепле — что еще нужно человеку? — рассуждал Петруша. — Ну еще чтоб жена добрая и детки».

Нина попыталась укоренить в муже стремление к лучшей жизни. С тем же успехом можно было привить ветку сакуры к арбузу. Тогда Нина сама выступила в роли главнокомандующего и отдала Петру приказ стремиться ввысь. Сысоев с тоской посмотрел в небеса и зажмурился. Нина раздала родне духовые инструменты и закатила скандал с увертюрой и ораторией. Сысоев упал на спину и притворилсядохлым.

Нина испробовала все. Но стало ясно, что рожденный ползать ни летать, ни бежать, ни кувыркаться не станет.

Нина надеялась, что ее Петр — камень. А оказалось, что в кулаке у нее зажата горсть щебенки.

К чести Лобановой следует сказать, что она могла задушить мужа мутоновой шубой, так и не переродившейся в норковое манто, однако не сделала этого. Когда их семейную лодку после всех водопадов вынесло в спокойное русло, роли распределились так: на носу сидела Нина, указывала, куда грести, и сама же махала веслами. А Петруша лежал в лодке, улыбаясь, и целиком полагался на волю providения и жены (причем жене доверял больше).

Расстановка эта имела для семейства Лобановых неожиданные последствия. Брат Нины Гриша внезапно начал крепко выпивать. Родственницы пытались излечить его от пагубного пристрастия, но Лобанов-младший был непоколебим. «Я на Петьку посмотрел, — отвечал он на все увещевания, — и осознал,